

Глава I

Предательство на горе Ницзин

Тяжело сохранять достоинство, стоя на коленях. Ещё тяжелее, когда всё тело сотрясает дрожь, а одежды окропляет кровь, превращая в чудовище, коим меня все считают. И есть лишь один человек, перед которым я могу оправдаться.

— Учитель...

Холодный взгляд серых глаз Бай Хэпина¹ способен превратить в ледяную статую, но я по-прежнему не желаю верить в то, что он способен меня оставить. Проползши немного, я обхватываю его длинные ноги трясущимися руками и желаю, чтобы он, как раньше, потрепал меня по голове и сказал, что боль уйдёт, как и слёзы. Что я никогда не буду одна, потому что он всегда будет рядом со мной.

— Учитель, вы однажды спросили меня, в кого я верю, — голос дрожит из-за старательно подавля-

---

¹ *Хэпин* — покой.

емой истерики, но пока мужчина не отталкивает меня, я должна говорить. — Тогда, когда я сказала, что не зажигала благовоний ни одному небожителю. Я не дала вам ответа в тот день, но я могу дать его сейчас.

Громкий некрасивый всхлип оглушает главный зал величественного дворца главы школы.

— Я верю в вас, учитель, — признаюсь я, крепче цепляясь за полы его синих одежд. — Эта ничтожная ученица всегда верила в вас.

Он решительно выдёргивает своё одеяние из моих слабых пальцев и отступает. Глядя на меня сверху вниз, учитель демонстрирует всем собравшимся заклинателям мой меч:

— За сговор с княжной демонов Фэн Цзяньсюэ¹, предательство школы и использование тёмной энергии ученица Ли Ляньхуа² приговаривается к десятилетнему изгнанию в Приграничные Земли. Никому не будет позволено с ней общаться или прийти ей на помощь. Её меч будет уничтожен. Лишь одержав победу над тысячами демонов, она сможет оправдаться и вернуться на гору Нинцзин³.

— Учитель... — мне хочется зажать уши руками и закричать, как маленькая девочка. Он же... он

¹ Цзяньсюэ — кровь меча.

² Ляньхуа — лотос.

³ Нинцзин — безмятежность.

же не мог поверить в эти дурацкие обвинения? Он не мог!

— Не слишком ли ты мягок, шиди? — шибо¹ Нин поднимается со своего места главы школы и прожигает меня взглядом. — Какие бы надежды ты ни возлагал на эту девчонку прежде, она предала твоё доверие и связалась с демонами. Она оступилась и коснулась запрещённых техник. Ты не можешь спустить ей это с рук.

В бессмысленных попытках сделать вдох я перевожу взгляд с учителя на шибо, туда и обратно. Остальных находящихся в зале я просто не вижу и не слышу, словно все они — лишь размытые тени в Царстве Снов.

— Что вы предлагаете, дашисюн²? — покорно вопрошает мужчина предо мной.

— Ли Ляньхуа необходимо подвергнуть сотне ударов Меча Рассекающего Душу.

Задыхаясь, я вновь ползу к учителю на коленях.

— Учитель, эта ничтожная ученица умоляет вас, — мы встречаемся взглядами. — Учитель, я...

Я не выдержу. Не всякий мастер способен вынести сотню ударов Меча Рассекающего Душу. Я рискую не просто лишиться духовных сил, не просто умереть, я рискую никогда больше не переродиться. Если учитель позволит наказать меня подобным об-

¹ *Шибо* — старший соученик или соученица учителя.

² *Дашисюн* — первый ученик.

разом, самому моему существованию придёт конец. Я не возрожусь ни в одном из миров.

Мужчина прикрывает глаза, его прекрасное лицо на мгновение словно искажает мука. Надежда колыхает сердце: учитель ведь... дорожит мной?

— Так тому и быть, — он выносит мне приговор.

Не в силах более сдерживать боль от полученных ранее ран, я сплёвываю подкатившую к горлу кровь. Её капли ещё стекают по подбородку, когда ставшие безликими соученики из главного дворца подхватывают меня под руки и тащат к колонне, чтобы привязать к ней вервием бессмертных: даже захоти я вырваться с помощью духовной энергии — не смогла бы. Сквозь пелену слёз мне удаётся рассмотреть лишь одно лицо — его.

Рядом стоящая фигура готовится вонзить в меня клинок, когда её запястье накрывает ладонь учителя. Неужели?..

— Дашисюн, Ли Ляньхуа — моя ученица, — его голос ровен, как стебель бамбука. — Я ответственен за её успехи и её же ошибки. Мне не только следует лично наказать её, но и принять на себя половину предназначенных ей ударов.

— Нет! — вырывается у меня, прежде чем я соображаю подумать над словами. — Учитель, вы не можете!

— И это тоже моя ошибка, — мужчина даже не смотрит на меня, обращаясь к своему старшему соученику. — Я дурно её воспитал.

— Шиди¹ Бай, подумай о других своих учениках, — глава школы пытается отговорить учителя от его затеи, и я впервые за всё время обучения хочу, чтобы у него получилось. Умереть от руки того, кому доверяла больше всего на свете... что за дурацкая смерть?

— Я делаю это потому, что думаю о них, — упрямство учителя никогда не знало границ. Если он во что-то верит, то не отступит. К сожалению, его поведение означает, что в меня он никогда не верил.

Сомкнув пальцы на эфесе Меча Рассекающего Душу, Бай Хэпин делает шаг ко мне. Я пытаюсь найти в его чертах признаки сожаления, сочувствия, разочарования... хоть чего-нибудь, но получаю лишь ничего не выражающую пустоту. А может, даже скуку. Губы, которые когда-то тепло мне улыбались, поджаты. Брезгливость? Отторжение?

Первый удар. Второй. Третий. Четвёртый.

Почему нельзя ударить сразу в сердце?! Как будто никто из присутствующих в зале заклинателей не понимает, что бедной адептке не выжить после пятидесяти соприкосновений с клинком?!

Пятый. Шестой. Седьмой.

И всё же не зря я так упорно совершенствовалась все эти годы, раз до сих пор не потеряла сознание. Шисюн Хэ может мной гордиться...

---

¹ Шиди — младший соученик.

Восьмой. Девятый. Десятый. Одиннадцатый. Двенадцатый.

Я продолжаю считать удары, словно сама верю, что смогу выдержать пятьдесят. Впрочем, это действительно хороший способ оставаться в сознании.

Тринадцатый. Четырнадцатый.

— Хва...тит...

Пятнадцатый.

— Хва...

Шестнадцатый.

«Да на мне живого места уже не осталась!» — хоть я и не вижу себя со стороны, мне хочется кричать. Но чувствую себя так, словно из меня выпотрошили всё, что только можно. В конце концов, я не тряпичная кукла, которую можно сколько угодно протыкать иголкой!

Семнадцатый. Восемнадцатый. Девятнадцатый. Двадцатый. Двадцать первый. Двадцать второй. Двадцать третий.

Лучше бы я никогда не перерождалась!

Двадцать четвёртый. Двадцать пятый. Двадцать шестой.

По крайней мере, я не перерожусь снова...

Двадцать седьмой. Двадцать восьмой. Двадцать девятый. Тридцатый. Тридцать первый. Тридцать второй. Тридцать третий. Тридцать четвёртый. Тридцать пятый. Тридцать шестой. Тридцать седьмой. Тридцать восьмой. Тридцать девятый. Сороковой.

Глава I. Предательство на горе Иницзин

Я не могу перестать считать, как бы сильно мне ни хотелось, чтобы пытка закончилась. Грёбанный инстинкт самосохранения, заставляющий бороться за жизнь до конца.

*Сорок первый. Сорок второй. Сорок третий.
Сорок четвёртый. Сорок пятый. Сорок шестой.
Сорок седьмой. Сорок восьмой. Сорок девятый.*

Я перестаю дышать.

Глава 2

Старший адепт дворца Безмятежности

Дворцу Безмятежности горы Нинцзин не просто так дали именно такое название: здесь действительно в любое время суток царит тишина и покой, которым способствуют как прилежные и послушные обитатели его стен, так и предметы декора белого и синего цветов. Отделённый от прочих дворцов бамбуковым лесом, дворец Безмятежности пусть и не главенствующий, но самый желанный для обучения во всей школе, ведь преподаёт здесь великий мастер Бай Хэпин. Он никогда не повышает голос, никогда не злится, никогда не наказывает без причины, впрочем, он никогда и не смеётся. Считается, что он также никогда не лжёт. Лучший ученик своего поколения, однако не глава школы.

Ненавижу это место. Ненавижу его.

— Шицзе¹, помоги!

---

¹ *Шицзе* – старшая соученица.

Вырванная из многодневной медитации, я, сохраняя ледяное спокойствие на лице, открываю глаза и встречаюсь с милостивым личиком Ло Чжун¹. Уединённая хижина в бамбуковом лесу не спасла меня от её навязчивого внимания — какая неожиданность!

— Ты что-то хотела, шимэй?

Девушка в летних бело-синих одеждах адепта, лёгких и воздушных, отражающих всю её ничем не обременённую натуру, присаживается на пол рядом с кроватью, где я предавалась самосовершенствованию, и хватает меня за руки.

— Возвращайся во дворец, шицзе! С тех пор, как ты ушла медитировать, учитель просто зверствует! Мы вчера пятьдесят кругов вокруг горы бежали — я думала, прямо там и умру.

Заслышав цифру пятьдесят и слово «умру» в одном предложении, я сглатываю слюну и резко высвобождаю кисти, пряча их под себя, чтобы скрыть дрожь.

— Если учитель сказал, что надо бежать, значит, надо бежать, — кое-как выдавливаю из себя я, комкая одеяло.

— Хоть ты и стала старшим адептом нашего дворца, не забывай, что когда-то ты была сяошимэй²! —

¹ Чжун — колокольчик.

² Сяошимэй — последняя принятая соученица.

строго напоминает мне девушка и тут же пристраивает свою пустую головку у меня на коленях. — Пожалуйста, шицзе Ли.

Глубоко вздохнув, я легонько треплю её по косичкам. В отличие от меня, обладающей каштановыми волосами, свидетельствующими о болезненности, она классически черноволосая хорошенькая китаянка.

— Шицзе обязана заботиться о своей шимэй¹, — повторяю я те же слова, что говорила мне она когда-то. В обеих моих жизнях в этом проклятом мире.

И пока осчастливленная моим согласием Ло Чжун бежит по тропе впереди и что-то щебечет, искренне полагая, что я её слушаю, мои мысли суетятся в голове подобно назойливой мошкаре. Всколыхнутые ей воспоминания пробегают перед глазами — и никуда от них не спрятаться. Впрочем, я и не пытаюсь: забыть — значит простить и перестать ненавидеть, а Бай Хэпин не заслуживает прощения.

Он нашёл меня, едва мне исполнилось двенадцать. Каким-то неведомым образом моя душа продолжила своё существование после того, как её должно было рассечь на лоскуты, и я переродилась в третий раз. И если переродившись в первый раз после неожиданной гибели в двадцать один год от рук какого-то уличного ублюдка, я была рада ока-

¹ *Шимэй* — младшая соученица.

заться в мире прочитанной романтической новеллы с былыми воспоминаниями, то, переродившись здесь же во второй, я проклинала судьбу. В те далёкие времена мне отчаянно хотелось жить: я умерла слишком молодой и ничего толком не успела. Оказаться в теле хорошенькой шестнадцатилетней заклинательницы — что может быть лучше? Живи себе, прокачивайся, развивай золотое ядро, не мешай основной сюжетной линии — и есть шанс стать бессмертной и вознестись на Небеса в качестве Богини. Прекрасные же перспективы? Меня они будоражили, и я просто наслаждалась жизнью. Я прилежно училась, принимала заботу своих старших соучеников и дорожила каждым дарованным мне судьбой днём. Если бы я ещё держалась подальше от шисюна Хэ Лунвана¹, главного героя проклятой книженции, в которой застряла моя душа, тогда, быть может, мне не пришлось бы умирать. Впрочем, меня тошнит от воспоминаний о моей жизни сразу после первого перерождения! Встреть я ту девчонку сейчас — я приказала бы ей никогда не сближаться с шисюном Хэ. И! Никому! Никогда! Не! Верить! Даже учителю, который кажется таким хорошим и заботливым.

Как бы то ни было, я умерла после сорока девяти ударов клинка. Словно в насмешку над всеми моими

---

¹ Лунван — драконье величие.